

*На правах рукописи*

ДЕЙКУН ИЛЬЯ ДМИТРИЕВИЧ

**РЕФЛЕКСИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ  
В АВТОРСКОМ КОММЕНТАРИИ НА МАТЕРИАЛЕ  
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (XVIII-XX вв.)**

Специальность 5.9.3. – Теория литературы

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре теоретической и исторической поэтики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

***Научный руководитель:***

**Подковырин Юрий Владимирович**, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета.

***Официальные оппоненты:***

**Баршт Константин Абрекович**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук;

**Швец Анна Валерьевна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

***Ведущая организация:***

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Защита состоится «23» октября 2025 г. в \_\_\_\_\_ часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.06, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047 Москва, Миусская площадь, д. 6, а также на сайте РГГУ.

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,  
доктор филологических наук, доцент

Ю.Г. Бит-Юнан

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено метафикциональной рефлексии в авторском комментарии (далее АК), то есть установлению научной предметности и выявлению феноменологической специфики такого явления, как размышление в форме комментария фиктивного субъекта, обладающего атрибутами автора, над сущностью художественности прозаического произведения, к целостности которого он причастен.

На примере повествовательной литературы достаточно изучено а) явление метафикциональности как специфического вида наррации (W. Wolf, В.Б. Зусева-Озкан)<sup>1</sup>, б) метафикционального комментария (далее МК) как функции автора и нарратора (В. McHale, А. Nünning)<sup>2</sup>, в) АК как многообразных форм включения авторского дискурса в повествование (W. Booth, G. Blin, R. Scholes)<sup>3</sup>. Также на материале поэзии чрезвычайно разработана проблема авторского примечания (Ю.Н. Чумаков, В.А. Мильчина, А.Н. Кузьмина). Между тем остро ощущается нужда, во-первых, в общей теории АК, которая бы охватывала, как внутритекстовые, так и внетекстовые его формы, причем во всех родах литературы. Во-вторых, во включении формального и методического разнообразия АК в нарратологическую парадигму изучения метафикционального дискурса. Фундаментальный для отечественной теории АК тезис о единстве авторского справочного аппарата и произведения поставлен на материале романа в стихах. Метафикциональность же изучалась преимущественно на прозаическом материале.

---

<sup>1</sup> См. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. М.: Intrada, 2014. С. 7. Wolf W. Illusionsdurchbrechung in der Erzählkunst. Theorie und Geschichte mit Schwerpunkt auf englischem illusionstörenden Erzählen. Tübingen, 1993. P. 232-233.

<sup>2</sup> McHale В. Postmodernist Fiction. London; New York, 2004. P. 210.

<sup>3</sup> Booth W. The Rhetoric of Fiction. Chicago; London, 1983. P. 169–172.

Поэтому решение данной проблемы видится во взаимном освещении этими двумя подходами поля метафикциональной прозы, выявлении специфики авторского метафикционального комментария (далее АМК) в ней, классификации этого комментария и установления его формальной и функциональной парадигмы.

**Степень научной разработки проблемы.** Метафикциональную рефлексию в АК в прозе, насколько нам известно, никогда специально не изучали. Есть достаточно разработанная теория МК как вида комментаторской функции субъекта повествования, при которой он обнажает вымышленность или искусственность референции произведения или словесной формы повествования (W. Wolf, A. Nünning, M. Fludernick). Она, с одной стороны, венчает традицию дискурсивного анализа метарефлексии (L. Hacheon, P. Waugh), а с другой, отсекает литературоведческую традицию анализа метафикциональности с привлечением философских категорий, например, онтологического различия автора и вымышленного мира (W. Gass, отчасти В. McNale)<sup>4</sup>. При этом в изучении метафикциональности допускается прибегать к феноменологической эстетике, и это философское включение продуктивно: для работы В. Вольфа понятие эстетической дистанции является фундаментальным<sup>5</sup>.

Но установленная в отечественном литературоведении специфика АК до сих пор не учитывается ни в изучении комментария в рукописях, хотя в них установлена его зависимость от типографической формы произведения<sup>6</sup>, что необходимо для доказательства целостности авторского примечания и художественного произведения, ни в изучении метапрозы в целом, хотя всеми

---

<sup>4</sup> Gass W. *Philosophy and the Form of Fiction* // Gass W. *Fiction and the Figures of Life*. New York, 1970. P. 25.

<sup>5</sup> Wolf W. *Ästhetische Illusion und Illusionsdurchbrechung in der Erzählkunst. Theorie und Geschichte mit Schwerpunkt auf englischem illusionsstörenden Erzählen*. Tübingen, 1993. P. 33–34

<sup>6</sup> Chang, Ku-ming (Kevin), Grafton, Anthony and Most, Glenn W. *Impagination – Layout and Materiality of Writing and Publication: Interdisciplinary Approaches from East and West*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. P. 1-3.

учеными нарраториальные вторжения или отступления оцениваются как наиболее яркое проявление метарефлексии. Между тем эта специфика заключается, во-первых, в особом акценте на поэтической категории авторства, то есть субъект комментария может не быть повествователем, но должен иметь вполне определенные атрибуты авторства. Во-вторых, во внимании к типографической форме вне основной полосы текста, на полях, с явным графическим отделением, и только потом на внутритекстовых пассажах и в строгой связи с потенциальной возможностью выноски этого фрагмента.

В строгом смысле теория АМК и теория МК пересекаются лишь отчасти и феноменально во многом не совпадают.

В связи с этим **актуальность** исследования определяется насущной необходимостью совмещения двух, отечественной и зарубежной, парадигм исследования МК и АК. АК – это главнейшая форма авторского самосознания, напрямую связанная с узловыми культурными ценностями конкретной исторической парадигмы литературно-художественного сознания, а метафигуральная проза – характерное проявление модерности, в которой укоренена и настоящая постсовременная эпоха. Значимость исследования АМК заключается в установлении такого аспекта теоретического рассмотрения произведения, при котором заново возможно рассмотрение эпистемно-дисциплинарных включений в художественный текст.

**Научная новизна** диссертации заключается в создании систематической теории АМК, интегрированной в парадигму исследований постклассической нарратологии.

**Объектом** исследования является АК в прозе, рассматриваемый как композиционный элемент художественного произведения. **Предмет** исследования – МК как часть авторского дискурса в прозе.

**Материалом** работы стали прозаические произведения русской литературы, отобранные по критериям репрезентативности, а именно по: наличию разнообразных форм АМК и АК; принадлежности к разным жанрам

прозы; принадлежности к разным парадигмам и субпарадигмам литературного процесса; отражению значимых повествовательных стратегий данной субпарадигмы. Дополнительным критерием служило минимально необходимое разнообразие материала в плане текстологическая выверенности издания, так как, с одной стороны, невозможно изучать АК, когда не установлены границы текста, но, с другой, специфика АК заключается в его отражении динамики редакций, когда то или иное примечание входит в основное тело текста, и наоборот. Поэтому репрезентативная выборка должна с необходимостью включать произведения второго и третьего ряда, и все разнообразие изданий. Мы выбрали беллетристику Д.В. Аверкиева, журнальную прозу Н.И. Новикова, сатиру И.А. Крылова, новеллы А.А. Бестужева-Марлинского, В.А. Каверина, И.А. Мельгунова, повести Г.П. Каменева, А.А. Бестужева-Марлинского, М.М. Хераскова, эпистолярные произведения П.Ю. Львова, М.В. Сушкова, Ф.А. Эмина, включая роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского и «Zoo, или Письма не о любви» В.Б. Шкловского, криминальный беллетристический роман М. Комарова «Ванька Каин», плутовской роман М.Д. Чулкова «Пересмешник», романтическую ансамблевую прозу В.Ф. Одоевского «Русские ночи», А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», романы-путешествия «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Странник» А.Ф. Вельтмана, шедевры постромантической прозы «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, «Обрыв» И.А. Гончарова, пародийно-сатирический роман «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина», постмодернистские романы-комментарии Е.А. Попова «Подлинная история Зеленых музыкантов» и «Бесконечный тупик» Д.Е. Галковского, символистский роман «Петербург» Андрея Белого, шедевры постсимволистской прозы, романы «Вор» Л.М. Леонова, «Дар» В.В. Набокова, «Журавлиная родина» М.М. Пришвина, образец постмодернистской метапрозы, роман «Пушкинский дом» А.Г. Битова.

**Цель диссертационного исследования** – определение сущностных характеристик АМК в составе художественного произведения.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- Рассмотреть отечественное учение об АК, дифференцировать АК от авторского примечания и от метатекстуальных некомментаторских элементов.
- Рассмотреть МК в свете метанарративной и метафикциональной дискурсии.
- Дать актуальное определение АК, синтезировать определение АМК.
- Определить субъекта АК и субъекта АМК в повествовательной прозе, как внутри основной полосы текста, так и вне ее.
- Определить жанрово-методическую специфику дискурса АМК в художественном произведении, его связь с авторскими функциями в повествовании.
- Определить, как АМК осуществляется в композиции произведения, какие мотивировки ему присущи, на каких уровнях он реализуется, в какие сюжеты входит.
- Выявить диапазон методических и дисциплинарных включений в АМК, установить, какие языки в нем возможны, все ли они являются метаязыками, какой эстетический эффект производится дисциплинарным включением.
- Сформулировать законы для эмпирически наблюдаемых закономерностей убывания и возрастания АМК по ходу художественного текста.

**Методологические основания работы.** Теоретическую базу работы составил комплекс теорий. Мы опирались на положения М.М. Бахтина о прозаическом слове, на его концепцию романизации жанров. В анализе МК мы исходили из теории антииллюзионистских повествовательных стратегий в художественной прозе, созданной В. Вольфом, где разграничивается

метафигциональная рефлексия, направленная на обнажение ложности референции и речевого устройства повествования. Внетекстовый МК мы изучали через призму теории транстекстуальных связей Ж. Женетта, в частности его классификации элементов паратекста.

Дискурсивная специфика АМК была выявлена с помощью теории дискурса В.И. Тюпы (также во многом и Т. ван Дейка), в чем огромную роль сыграло проведенное ученым разграничение монотекстового и политекстового дискурсов, и дискурса как части композиции художественного произведения.

Диахроническое рассмотрение АМК было проведено в согласии с концепцией литературного процесса, со стадийной периодизацией исторической поэтики (С.Н. Бройтман) и с парадигмальной и субпарадигмальной периодизацией развития художественного сознания (В.И. Тюпа).

Фундаментом при определении эстетической роли АМК в художественной прозе сыграли исследования, ставящие акцент на философских аспектах метапрозы (W. Gass, R. Scholes, V. Mchale), работы по феноменологической эстетике (Р. Ингарден, Н. Гартман, Н.И. Жинкин), а также специальные труды по онтологии вымышленных объектов (А. Майнонг, В.В. Селиверстов), метаязыке и метатексте (А. Тарский, Ю.М. Лотман).

При определении АК нами был задействован широкий методологический аппарат, разработанный при анализе авторских примечаний (Ю.Н. Чумаков, Н.А. Кузьмина, Н.В. Брагинская), а также текстологическая теория комментария (Б.В. Томашевский, С.А. Рейсер, А.Л. Гришунин).

**Теоретическая значимость исследования** заключается в определении понятия АК в художественной прозе, создании теории АМК. В ходе исследования также был осуществлен вклад в решение проблем разграничения примечания и комментария, вхождения комментария в

художественное целое, определения дискурсной и эпистемологической специфики МК.

**Практические результаты работы** могут быть использованы в специальных и общих курсах по теории литературоведения, по исторической и теоретической поэтике, а также в ходе семинарских занятий.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. АМК обладает двойной природой: метафикционального дискурса в композиции произведения и жанра исследования, входящего в справочный аппарат издания. Эта его двойственность составляет эвристическое преимущество понятия, позволяет детально указать на связь категории авторства и метафикциональной рефлексии.
2. АМК имеет два эталона. В дискурсном плане его эталоном является проприо-метафикциональный комментарий субъекта к результату собственного творческого акта, в жанрово-методическом плане – авторское фактографическое подстраничное примечание.
3. АМК всегда является частью художественной целостности прозаического произведения, и никогда не принадлежит конкретному и имплицитному авторам, а только фиктивным, вымышленным субъектам, которые обладают свойствами и качествами, приписываемым автору в конкретной парадигме и субпарадигме литературного процесса.
4. Идентификация и субъектная атрибуция АМК зависит от читательской интерпретации авторской стратегии и от истолкования метапоэтики произведения. Иногда субъектом АМК может быть персонаж без авторских функций, метафикциональную функцию может выполнять АК, метаязыком в АМК может быть дискурс, считаваемый как метаязык только внутри произведения.
5. Как элемент метарефлексии и жанр исследования АМК связан с метапоэтикой произведения и с методом комментирования, находится в двойной зависимости от стадий исторической поэтики и от художественного самосознания, свойственного конкретной парадигме и субпарадигме

литературного процесса, в широком контексте исторического развития научного и социального знания.

6. Помимо поступательной исторической АМК подчиняется периодической динамике, связанной со степенью романизации жанров художественной литературы и общекультурными закономерностями роста или уменьшения информации, которая влияет на величину комментария.

7. Как комплекс комментариев АМК обладает двумя видами структурного распределения по тексту: убывающим и возрастающим по ходу текста произведения. Концепционный АМК возрастает, приобретая в сознании автора собственную ценность, адаптационный, служебный убывает, исчерпывая свою функцию.

8. Авторский метафигуральный комментарий состоит из выражений, интенционально отличающихся от выражений, которые составляют художественную коммуникацию. Он предполагает отсылку к полям значений дисциплин с абстрактной и конкретной предметностью, имеющей более высокий онтологический статус, чем референты диегетического мира. Его положения составляют ряд фикций читательской рецепции.

**Апробация диссертации.** Основные положения диссертации были изложены в научных публикациях, а также обсуждались на конференциях: «Векторы», МВШСЭ им. Т. Шанина, Москва, 11 апреля 2025 г.; «Философия. XXI век», МГУ, Москва, 4 и 7 декабря 2023 г.; «Геопоэтика. Голос. Герой», РГГУ, Москва, 8 декабря 2023; «Алешинские чтения», РГГУ Москва, 14 декабря 2023 г.; «Соколовские чтения», МГУ, 24 ноября 2023 г.; «Философия науки и техники: российская перспектива», СПбГУ, Санкт-Петербург, 1 ноября, 2022 г.; «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска», МГУ, 9 декабря 2021 г.; «Образ человека» в европейской и американской литературе XIX-XXI веков», Литературный институт им. А.М. Горького, 14 декабря Москва, 2021 г.; «Неоромантизм в системе современного искусства», ИМЛИ РАН, Москва, 9 ноября 2020 г.; «Социальная семиотика. Точки роста», СПбГУ, Санкт-Петербург, 5 октября, 2020 г.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** осуществляется постановка проблемы, обосновывается выбор темы и материала исследования. Определены актуальность, научная новизна, цели и задачи предпринятого исследования.

**Первая глава**, «Авторский комментарий и метафакциональность» – посвящена исследованию основных понятий и категорий диссертационной работы. Ставится и выполняется задача снятия омонимий в понимании АК, примечания, метатекста и метаязыка, дискурса, авторства и авторитета.

В **параграфе 1.1.** «Авторство и комментарий в АК. История и актуальное понимание» проводится исследование того, какова значимость в синтетическом единстве АК субъектной атрибуции к автору и принадлежности к исследовательскому жанру комментария. Проводится различие между МК, который атрибутируется нарратору и имеет форму пассажа, и АК, который традиционно приписывается автору и имеет форму подстрочного примечания. Выделяется пять исторически сложившихся трактовок АК, прослеживается их эволюция от зарождения к современности. Из них выделяются две наиболее продуктивные: АК как внутритекстовые отступления в повествовании, трактовка сливающаяся с нарраториальным комментарием, и АК как подстраничные примечания.

В **параграфе 1.1.1.** «АК как комментарий. Функция и жанр» выдвигается историко-методологический тезис: понятие авторского комментария как примечания – наиболее аутентичное для отечественной традиции. На нем основывается позднейшая теория Ю.Н. Чумакова о том, что «примечания продолжают и развивают тематические линии»<sup>7</sup> произведения. АК в плане эталона противоположен МК, для первого он жанровый, для второго функциональный. Нами выдвигается тезис о

---

<sup>7</sup> Чумаков Ю.Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». Пушкин и его современники // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 1970. Т. 134. С. 29.

теоретической ценности закреплённой в понятии АК формальной, внетекстовой и внутритекстовой двойственности, обуславливающей необходимость установления формально-функционального эталона при изучении данного явления в прозаическом тексте, так как в поэтическом тексте авторский комментарий наиболее очевиден.

**В параграфе 1.1.2.** «Автор АК как субъект и как функция» решается вопрос о предикате «авторский» в понятии «АК». С опорой на нарратологическую концепцию В. Шмида утверждается, что АК не может принадлежать конкретному автору, но фиктивному субъекту, первичному или вторичному нарратору, или фиктивному издателю.

**В подпараграфе а.** «Автор АК внутри текста» выдвигается тезис о том, что субъектом АК должен являться эксплицитный нарратор, характеризующий себя как автора. **В подпараграфе б.** «Проблема фиктивного субъекта АК как примечания. Теория паратекста» вышеизложенный тезис Ю.Н. Чумакова подкрепляется теорией транстекстуальных связей Ж. Женетта: АК в форме примечаний входит в перитекст, в особую зону<sup>8</sup>, где граница между текстом и аппаратом колеблется. Выдвигается тезис, что общее утверждение Ж. Женетта является правилом при жанровой специфике МК, то есть в АМК, который интегрирован с художественным текстом дополнительными смысловыми связями. Субъектом внетекстового АМК является фиктивный субъект, редактор, издатель и т.д., по факту высказывания АМК обладающего свойствами автора.

**В параграфе 1.1.3.** «АК внутри и на периферии художественного произведения» производится обобщение в виде тезиса, что для АК существенна граница произведения, он работает на ее пересечении.

---

<sup>8</sup> *Génette G. Paratexts: thresholds of interpretation. New York. Cambridge University Press, 1997. P. 16.*

**Параграф 1.2.** «АМК. АК в метафигциональном дискурсе и метафигциональный дискурс в АК» посвящен раскрытию дискурсной природы АМК как метафигционального АК.

**В параграфе 1.2.1.** «Метафигциональность как дискурс» мы, вслед за В.И. Тюпой, различаем дискурсы интертекстуальные, монотекстовые и композиционные<sup>9</sup>. Первые представляют собой дисциплинарные способы говорения, покрывающие определенные области человеческой деятельности. Художественное произведение является монотекстовым дискурсом, подчиняющимся авторской стратегии. Наконец, композиция как субъектный уровень произведения представляет собой систему дискурсов как совокупности речей, осуществляемых фиктивными субъектами. Сообразно этим трем разномасштабным понятиям дискурса мы определяем метафигциональный дискурс.

**В подпараграфе а.** «Метафигциональный монотекстовый дискурс» мы с опорой на консенсус исследователей метафигциональной прозы разграничиваем эксплицитно и имплицитно метафигциональное повествование. В первом присутствует метаязык, активно используется металепсис, повествуется о письме и творчестве. Во втором есть элементы пародии, лингвистически неестественная наррация, нарочитая неестественность изображенного мира, мизанабим.

**В подпараграфе б.** «Метафигциональный дискурс как часть композиции произведения» выдвигается тезис, что метафигциональный дискурс в композиции может быть только эксплицитным. В таких его формах, как обобщение, сентенция, дигрессия, комментарий, программа разграничивается метаязыковой<sup>10</sup>, прибегающий языку более высокого порядка, метатекстовый<sup>11</sup>, принадлежащий субъекту, обладающему большим

---

<sup>9</sup> Тюпа В. И. Дискурс. Жанр. М.: Intrada, 2013. С. 19.

<sup>10</sup> Садовский В. Н. Метаязык // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т.2: Е-М. М.: Мысль, 2010. С. 550.

<sup>11</sup> Лотман Ю. М. Миф – имя – культура // Избранные статьи в 3 т. Т.1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 58.

авторитетом, чем обычный персонаж, коммуникативный, автокоммуникативный виды метафикционального дискурса. Делается вывод, что АМК в композиции обязательно автокоммуникативный, часто метаязыковой.

**В подпараграфе с.** «Рефлексивный интертекстуальный дискурс и гносеологическое понимание рефлексии» выдвигается тезис, что на уровне интертекстуального дискурса метафикциональная рефлексия имеет дисциплинарную оформленность, представляет собой, например, литературную критику как системную рефлексию литературы как культурно-социального образования. С опорой на систематику литературоведческих наук, на разграничение дисциплин от технических до философских, мы дифференцировали метаязыковую специфику АМК по степени рефлексивности метаязыка, к которому они прибегают. Наиболее рефлексивны для художественной литературы, то есть способны отражать и формулировать ее сущностные моменты, метаязыки философии, критики, риторики и, позднее, специальных литературоведческих дисциплин. Напротив, метаязыки, относящиеся, например, к книговедению, историографии, статистике, алгебре не рефлексивны по отношению к художественной литературе, так как их понятия не улавливают сущность литературы как словесного искусства.

**В параграфе 1.3.** «Общая типология АМК» мы дали сводную классификацию АМК, в его тяготении к АК и к МК, по положению внутри или вне основной полосы текста, по субъектной атрибуции, по критериям преобладания метатекстовой или метаязыковой специфики, а также различия рефлексивных и нереплексивных метаязыков.

**Вторая глава,** «АМК в художественном произведении как в монотекстовом дискурсе» посвящена исследованию мотивировок АМК исходя из стратегии художественного произведения, а также его особенностям как полуавтономного комплекса, равноразмерного монотекстовому дискурсу.

**Параграф 2.1.** «Диахроническое изучение АМК в монотекстовом дискурсе» посвящен изучению мотивировок и проявлений АМК в монотекстовом дискурсе в свете смены стадий исторической поэтики и смены парадигм и субпарадигм художественного сознания.

**Подпараграф 2.1.1.** «Общая теоретическая рамка. Членение литературного процесса в свете АМК: эпоха и парадигма» обозначает, что для АМК существенно именно парадигмальное членение литературного процесса, так как АМК является выражением исторически изменчивого художественного самосознания, и интерпретация АМК должна учитывать дисциплинарно-эпистемический, входящий в понятие парадигмы, контекст.

**Подпараграф 2.1.2.** «Частные особенности диахронического изучения метафакциональности в повествовательной прозе. Критика предыдущих подходов в свете изучения АМК» сосредоточен на двух традиционных моментах в исследовании метафакциональности, и посвящен вводу в методологию изучения АМК феноменологической эстетики. Во-первых, анализируется пренебрежение исследователями метапрозы «реалистическими» романами XIX века. Отталкиваясь от утверждения В.Б. Зусевой-Озкан, что в реалистическому роману не чужда метарефлексия, но романы этого периода «не сфокусированы на себе самом»<sup>12</sup>, мы выдвигаем тезис, что для изучения такого феномена метарефлексии как АМК романы субпарадигмы постромантизма, подпадающие под определение «реалистических», репрезентативны. Не только наличие, но и специфичное разнообразие АМК в этих произведениях устанавливается эмпирически («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского). Во-вторых, мы анализируем сосредоточенность исследователей метафакциональности на жанре романа. Мы выдвигаем тезис, что для исследования АМК в литературе, принадлежащей субпарадигмам от классицизма до

---

<sup>12</sup> Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана: монография. М.: Intrada, 2014. С. 292.

постсимволизма, важен не столько роман, сколько степень романизации прозаических жанров. Закончив с критикой диахронических подходов, мы в третьем пункте этого параграфа обосновываем распространение на изучение АМК методологии, включающей элементы феноменологической эстетики, которую В. Вольф разработал для изучения анти-иллюзионистских повествовательных стратегий. В. Вольф считал, что комическое – это спусковой механизм для остальных трех главных стратегий разрушения иллюзии: обесценивания уровня истории, акцентирования на способе повествования, автореферентности дискурса<sup>13</sup>. С опорой на феноменологическую эстетику Н. Гартмана, и на философскую теорию «эстетических модальностей сознания»<sup>14</sup> Н.И. Жинкина мы определяем, что для мотивировки АМК существеннейшую роль играет то, какое место в ценностной иерархии художественного сознания той или иной субпарадигмы имеет комическое, и как оно проявляется в модусах художественности, составляющих стратегию монотекстового дискурса: комизме, иронии, юморе, сатире, сарказме.

Далее мы переходим к диахроническому рассмотрению АМК по субпарадигмам литературного процесса.

**В параграфе 2.13.** АМК в субпарадигме классицизма мы выделяем три функциональные мотивировки авторского метафикционального комментария исходя из четырех стратегий: 1. Разрушение художественной иллюзии для подчеркивания дидактического смысла в произведении при стратегии поучая развлекать, но не при аллегорическом повествовании, и чаще всего при дополнительных юмористической, сатирической и комической модусах художественности, как в повести «Кайб» И.А. Крылова. 2. Для объяснения читателем демонстрируемого в рассказе художественного мастерства, как рассказа, так и вымысла. Яркий пример здесь плутовской роман

---

<sup>13</sup> *Wolf W.* Illusionsdurchbrechung in der Erzählkunst. Theorie und Geschichte mit Schwerpunkt auf englischem illusionstörenden Erzählen, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1993. P. 441.

<sup>14</sup> *Жинкин Н.И.* Проблема эстетических форм // Художественная форма. Сборник статей. Москва: ГАХН, 1927. С. 12.

«Пересмешник» М.Д. Чулкова. 3. Для удостоверения читателя в том, что история правдива. Здесь уникальным примером является «Ванька Каин». М. Комарова.

**В параграфе 2.1.4.** «АМК в субпарадигме предромантизма» мы выяснили, что эта субпарадигма для изучения АМК является переходной. АМК в «Путешествии из Петербурга в Москву» относится к дидактической стратегии, но указывает на дистанцию не в комической модальности, а задействуя философский метаязык. Этот авторский комментарий во многом уникален в прозе предромантизма, где он практически отсутствует.

**В параграфе 2.1.5** «АМК в субпарадигме романтизма» в ходе анализа обнаруживается, что для романтизма характерны три главные мотивировки авторского метафикционального комментария исходя из трех мотивировок метарефлексии, трех результатов решения конфликта между безграничной гениальностью и ограничительной художественной формой. 1. При параллелизме автора и героя в сюжете, динамику которого составляет конфликт героя-творца и действительности, авторский метафикциональный комментарий вербализует эстетическое кредо автора-романтика, как, например, в комментарии первичного нарратора в «Живописце» Н.А. Полевого, где центральный конфликт трагический. 2. АМК сопровождает повествование о творчестве, нарратор которого является эксплицитным автором, как происходит в ироническом комментарии «Странника» А.Ф. Вельтмана. 3. Романтический АМК возникает также при рефлексии автора-романтика над создаваемой им литературной формой, как происходит в метаязыковом комментарии Фауста в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского.

**В параграфе 2.1.6.** «АМК в субпарадигме постромантизма» мы показываем, что в постромантизме АМК не имеет аутентичных мотивировок, исходящих из художественных стратегий, кроме случая, когда история повествует о быте литераторов при сюжете письма и творчества, как, например, в «Лаврах и терниях» Д.В. Аверкиева, когда письмо и творчество составляют часть диегетической реальности, а само произведение завершено

в сатирической модальности. С другой стороны, для субпарадигмы постромантизма характерна актуализация формальных мотивировок комментария. 1. Сопровождается обильным метафигциональным комментарием итерация романтического творческого сознания в эпистолярной форме в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского, причем происходит постоянное ироническое снятие и объективация этого иронического же сознания. 2. Новую жизнь приобретает подстраничное историко-фактографическое примечание, которое пародируется в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Художественная функция АМК в «Что делать?» Н.Г. Чернышевского – яркий пример дидактической мотивировки, открытой в субпарадигме классицизма, рефлексия автора в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя по металептическому способу прерывания повествования традиционная, а по власти автора над экстрадиетической действительностью, в которой эти размышления произносятся, – романтическая, по содержанию – дидактическая. Особняком стоит «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, в котором совмещение геройного и авторского планов парадоксальное и необъяснимое, и предвосхищает АМК постсимволистской субпарадигмы.

**В параграфе 2.1.7.** «АМК в субпарадигме символизма» рассматриваются мотивировки АМК в символистской прозе. По критерию промежуточности, отношению мотивировок АМК к соседним субпарадигмам, устанавливается параллель субпарадигм символизма и предромантизма – это промежуточные субпарадигмы. Так художественная стратегия «Петербурга» Андрея Белого предполагает постоянный фоновый для наррации план рефлектирующего авторского сознания. Принцип его заинтересованности в фантазии не экзистенциальный, как для автора-романтика, а гносеологический: автор в «Петербурге» познает объективную действительность, общую и для художественного, и для реального мира. В полной же мере гносеологические стратегии АМК раскрываются в прозе постсимволизма.

**В параграфе 2.1.8.** «АМК в субпарадигме постсимволизма» обозначается, что эта субпарадигма является периодом наивысшего развития культуры метарефлексии. Постсимволизм дает четыре мотивировки АМК. 1. Он появляется при вводе в произведение биографических фактов, связанных с личностью конкретного автора, когда иллюзия его совмещения с фиктивным субъектом повествования входит в художественный замысел, как, например, в «Zoo, или письмах не о любви» В.Б. Шкловского, где АМК предоставляет способ парадоксального удостоверения реальности сознания субъекта комментария в художественном произведении. 2. При повествовании о написании произведения, которое имеет то же заглавие, что и конкретная книга этого произведения, как в «Журавлиной родине» М.М. Пришвина, АМК разграничивает эпизоды создания произведения. 3. При объективации автора не как пишущего персонажа, а во всей полноте его трансцендентальных художественному миру функций, как в «Воре» Л.М. Леонова, где такой автор-персонаж, принадлежа только диегетическому миру, обладает властью над персонажами, и в диалоге с ними комментирует мир произведения, которое изображает этот же диегетический мир. 4. При показе самого диегетического мира как результата фантазии вводится персонаж-автор, который в рамках предельно распространенной метафоры театра манипулирует предметами-детальями диегетического мира, как в «Козлиной песне» К.К. Вагинова.

Наконец, **в параграфе 2.1.9.** «АМК в период постмодернизма» постмодернизм рассматривается нами как период и как первая субпарадигма некой парадигмы постмодерна. Период постмодернизма вытекает из постсимволизма, углубляя и радикализуя его мотивировки, распространяя их до масштаба художественной стратегии. Формальная мотивировка к использованию АМК достигает в «Бесконечном тупике» Д.Е. Галковского возможных пределов, превращая композицию текста в гипертекстовую структуру, и замещая основной текст справочным аппаратом. Напротив, в «Пушкинском доме» А.Г. Битова избрана стратегия показа диегетического

мира как эстетической конструкции, при которой АМК составляет конструктивную часть описания диегетического мира, одновременно художественного и теоретического, и принимает черты авторского литературоведения.

В параграфе 2.1.10 «Мотивировки АМК в динамике смены субпарадигм художественного сознания» дается типология мотивировок АМК исходя из художественной стратегии, формирующей монотекстовый дискурс произведения, и авторского самосознания, свойственного конкретной парадигме литературного процесса.

**Второй параграф** второй главы, «Конструктивные особенности АМК в свете его жанрово-методической сущности» посвящен анализу комментаторского аспекта АМК, при котором он разделяет свойства комментария как традиционного жанра исследования художественного произведения, предполагающего корреляцию жанра и требуемого исследованием метода, и структурную зависимость от распределенных в тексте темных мест.

**В подпараграфе 2.2.1.** «Жанровая и методическая сущность АК как комплекса» мы выдвигаем тезис, что АК и наследующий его жанровым свойствам АМК в аспекте монотекстового дискурса представляет собой равнопротяженный ему, но полуавтономный комплекс. Выдвигается тезис, что распределение АМК зависит от преобладающего в нем метода, заимствованного при обращении к тому или иному дисциплинарному полю. При этом метод и соответствующий ему метаязык бывает рефлексивным и нерефлексивным. Опираясь на проведенное Ю.М. Лотманом разграничение «текстуального» и «концепционного» видов комментария, мы выделяем по жанрово-методическому признаку «адаптационный», служащий преимущественно настройке читательской рецепции, и «концепционный», в котором интерпретация текста его автором приобретает черты теории. Затем, развивая наблюдения Н.В. Брагинской и К.А. Баршта, мы констатируем, что концепционный АМК склонен количественно возрастать по ходу

произведения, в то время как адаптационный – убывать. Далее, по формальному признаку мы разграничиваем внутритекстовый и внетекстовый АМК.

**В подпараграфе 2.2.2.** «Функциональная роль комментария в композиции и метод комментирования» мы рассматриваем композицию монотекстового дискурса через структурный тип комплекса АМК, образуемый структурной его соотнесенностью с темными местами текста. На основе жанрово-методического и формального различия АМК и дифференциации четырех его эталонов (ярко-выраженный внетекстовый и внутритекстовый, концепционный и адаптационный) мы создаем логически полную его типологию с приведением эмпирических примеров возрастания и убывания по ходу текста. Так, эталонным внетекстовым ярко-выраженным адаптационным АК являются авторские глоссы или фактографические справки, внутритекстовым (не ярко-выраженным) – фактографические парантезы, которые убывают по ходу текста, объясняя экзотизм или давая справку к детали хронотопа, как это происходит, например, в «Непостоянной фортуны» А.Ф. Эмина. Напротив, внутритекстовый концепционный АК, как, например, в «Пушкинском доме» А.Г. Битова возрастает.

**3 глава исследования** «АМК в композиции произведения. Категория автора и уровень высказывания» посвящена разграничению метафикционального комментария по субъектной атрибуции. Повторяется установочный тезис, что собственно авторским является только проприо-метафикциональный комментарий, как комментарий фиктивного субъекта к собственному творчеству.

**В параграфе 3.1.** «Резонерство, объективация, авторизация. Три варианта соотношения субъектов АМК в композиции и в ценностной структуре произведения» рассматривается интерпретационная составляющая субъектной атрибуции АМК. Ярким примером такой атрибуции является определение издательского (алло-метафикционального) МК как авторского. Нами делается вывод, что определение как алло-метафикционального, так и

обще-метафигционального комментария как авторского зависит от интерпретативно считываемой интенциональности имплицитного автора данного произведения. Но не только субъект, но и метафигциональность АМК, так как она зависит от художественной стратегии, тоже должна определяться, исходя из интерпретации интенции имплицитного автора. Мы выделяем три варианта интерпретации АМК по принципу считываемого в произведении наличия у его субъекта атрибутов и свойств автора: 1. Резонерство, когда и рефлексия субъектом художественности адекватна считываемому сознанию имплицитного автора, и сам субъект имеет качества автора. 2. Объективация, когда выделяемый в АМК какой-либо аспект художественности произведения ложный, а субъект имеет качества автора. 3. Авторизация, когда субъект в диегетическом и экстрадиегетическом (в случае, например, редакторского примечания) мире не является автором, но его комментарий резонерский. Так как понимание возможностей и функций автора разнится от субпарадигмы к субпарадигме литературного процесса, то резонерство, авторизация и объективация прослеживаются в их развитии от классицизма до постмодернизма.

**В параграфе 3.2.** «Эксплицитный авторский МК. Резонерство и объективация» анализируются случаи резонерства и объективации, так как при них субъект комментария в произведении назван автором. Так, образец эталонного резонерского внутритекстового комментария дает «Пушкинский дом» А.Г. Битова, а внетекстового «Ванька Каин» М. Комарова. Эталон объективации внутритекстового АМК – «Вор» Л.М. Леонова, а затекстового в форме графически выделенных пассажей – «Двойник» А. Погорельского. На протяжении литературного процесса прослеживается возрастания возможностей нормализации авторского присутствия в тексте. Если металептически вводимый АМК в романе «Пересмешник» никак в самом комментарии не объяснялся, то в «Петербурге» Андрея Белого вторжение нормализуется зависимостью описываемого мира от галлюцинирующего им сознания автора, а в сложном теоретическом комментировании автора автора

в «Пушкинском доме» это вторжение нормализовано онтологической нестабильностью и вариативностью диегетического мира, превращающегося в серию миров.

**Параграф 3.3.** «Имплицитный авторский МК. Авторизация» посвящен анализу случаев авторизации. Эталон авторизации субъекта внутритекстового комментария является «Живописец» Н.А. Полевого, где посыл имплицитного автора вербализуется в МК первичного нарратора, который автором не является, и нарочито лишен авторского самосознания. Внутритекстовая авторизация редка. Напротив, большинство ее случаев представлены в атрибуции внетекстовых АМК, причем, как в отдельных фрагментах основного текста, так и в примечаниях. Так рамочный комментарий Фауста в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского – эталон внетекстового метафикционального авторизованного комментария. В прозе постсимволизма эталон – аппарат фиктивного издателя «Истории одного города». Наконец, в постмодернизме чрезвычайно примечательна рецензия Дитриха фон Хальковски в «Бесконечном тупике» Д.Е. Галковского. В целом же в ходе анализа объемного эмпирического материала делается вывод о вторичности авторизованного авторского метафикционального комментария по отношению к резонерскому и объективированному.

**Четвертая глава** исследования, «АМК в контексте рефлексивных областей интертекстуального дискурса. Референция и предметность АМК», посвящена типологии эффектов, какие высказывание АМК оказывает на действительность диегетического мира, или экстрадиегетических «действительностей», которые создаются им, а также референции понятий, используемых в метаязыковых АМК.

АМК высказывается фиктивным субъектом в некоторой диегетической или экстрадиегетической ситуации, но так как АМК принадлежит автору, фиктивному субъекту, который в идеале создал эту ситуацию, высказывание АМК изменяет ситуацию, и так до бесконечности. На семантическом уровне исследования видится другая картина.

Предложения АМК референтны диегетическому миру, или относятся к некой экстрадиегетической ситуации, но они, предполагают поля значений, соответствующие используемым понятиям, в случае метаязыкового АМК, и схематическим представлениям, возникающим в рецепции при любом АМК. При анализе схематических представлений и той специфической истины, которая является результатом АМК, мы выдвинули тезис, что они представляют собой противоречивые сущности: предполагаемый в герое повествования метаязыком АМК «персонаж» тут же, из-за принадлежности АМК к художественной стратегии отрицается как категория, рассматривается как художественный элемент. «Охудожествленная категория» – это противоречие. Поэтому АМК представляет собой ряд рецептивных коротких замыканий, которые мы обозначили как фикции читательского восприятия.

**В параграфе 4.1.** «АМК в диегетическом и экстрадиегетическом пространстве вымышленного мира» дается типология экстрадиегетических ситуаций и сюжетных обстоятельств высказывания АМК по критериям событийной мотивированности, большей или меньшей реализации авторской власти и других свойств автора, большей или меньшей аномальности по отношению к «физическим законам» изображенного мира. Так ярким примером АМК, в котором авторское сознание вербализовано чрезвычайно сильно, являются экстрадиегетические комментарии Н.В. Гоголя в «Мертвых душах». В них обрисовывается некая действительность мира автора, в котором он присутствует на вершине, с которой оглядывает не только фиктивный мир героев, но и свой собственный фиктивный мир с некими аморфными читателями. В этом плане предметность ситуации комментария в «Мертвых душах» аномальна. Напротив, нормальна ситуация АМК в «Ваньке Каине» М. Комарова или в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, или в авторизованном обще-метафигциональном комментарии Макара Девушкина в «Бедных людях». Во всех этих случаях они мотивированы ситуацией или сюжетом письма или чтения, комментатор сидит за столом и читает или пишет, их предметность совпадает с

фактуальностью диегетического мира. При этом во всех этих случаях авторская власть над диегетическим миром минимальна. Ярким примером перформативной реализации авторской власти при нормальном комментарии является комментарий эксплицитного автора в «Золотом пруте», при котором он приписывает авторство текста персонажу, тем самым устанавливая атрибуцию текста. «Козлиная песнь» и «Вор» по-разному изображают власть автора в диегетическом мире при аномальной ситуации комментария: они осознают вымышленность мира в собственных комментариях, но также добавляют к нему детали, выстраивают его альтернативные проекции, которые не объясняются законами изображенной действительности. В итоге анализа выявляются закономерности осуществления нормальных или аномальных ситуаций, допускающих меньшую или большую мотивировку и авторскую власть. Чем больше обозначена медиация нарратива, письменная или устная, тем нормальнее высказывание комментария. Так происходит в эпистолярной, в записках, в отредактированных рукописях, и собственно в справочном аппарате как, например, в «Бесконечном тупике» Д.Е. Галковского, или в «Подлинной истории «Зеленых музыкантов»» Е.А. Попова. Чем менее в повествовании обозначена форма речи, тем более аномальна ситуация комментирования: АМК, вербализуя принципы художественности, создает факты диегетического мира, как, например, случается в «Петербурге» Андрея Белого или в «Пушкинском доме» А.Г. Битова.

**Параграф 4.2.** «Фикции АМК в мире произведения», посвящен особенности семантики понятий, используемых в метаязыковом АМК. Фикции АМК нами понимаются как заведомо ложные, но необходимые по мнению автора для осуществления читательской гипотезы положения, а также коррелирующие с ними подразумеваемые экстрадиегетические обстоятельства или абстрактные сущности и категории. Так, в «Ваньке Каине» АМК образуются фикции результата проведения исторического и сыскного методов. В комментариях к «Истории одного города» –

археографического, исторического на новом этапе развития, библиографического методов, редакторской работы. В «Пушкинском доме» образуются фикции реализма как выявленной автором поэтической категории, фикции процесса литературоведческой работы и ряда ее результатов. Так как метаязыки заимствуются из дисциплинарного контекста из системы дисциплин эпохи, которой принадлежит субпарадигма литературного процесса, то необходим учет ушедших в прошлое областей знаний. Например, АМК эксплицитного нарратора в «Золотом пруте» включает в себя язык галантной истории как особой формы знания, процветавшей во Франции XVII века, а понятие «критика», используемое в «Каибе» И.А. Крылова основывается на ее определении, данном во «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. При этом сама форма комментария имеет в сознании автора ту или иную методическую нагруженность. Так, внетекстовый комментарий в виде примечания почти во всех субпарадигмах литературного процесса ассоциируется прежде всего с историческим и пиитическим методом, сообразно определению комментария в «Энциклопедии», методические включения других метаязыков вторичны. Напротив, внутритекстовый метафакциональный комментарий допускает включение философских («Русские ночи», шелленгианство), литературно-критических («Что делать?», идеологическая критика), литературоведческих («Zoo, или письма не о любви», формализм), относящихся к антропологии («История одного города», мифологическая школа) метаязыков.

В **заключении** нами сделаны следующие выводы: теория АМК заимствует из теорий МК и из реконструированной нами теории АК, так что АМК имеет две формальные крайности, внутритекстового пассажа и внетекстового примечания. АМК всегда входит в состав произведения, но его проявление зависит от авторской стратегии, воплощенной в произведении, от модуса художественности. Мотивировки АМК изменяются от субпарадигме к субпарадигме, в некоторых комическое играет главную роль, в некоторых никакой. В композиции АМК всегда метатекстовый, то есть принадлежащий

более высокому иерархическому уровню за счет атрибуции к авторскому субъекту, но также АМК может быть метаязыковым, содержать язык более высокого порядка. Метатекстуальность АМК может быть явной при резонансе его субъекта с интенцией имплицитного автора или его объективации, или скрытой при авторизации, когда субъект АМК не автор, но резонирует с интенцией имплицитного автора. Метаязык АМК влияет на диегетическую или экстрадиегетическую ситуацию его высказывания за счет апелляции к авторской креативной компетенции. Семантика метаязыка АМК предполагает парадокс, АМК объясняет художественное произведение, одновременно составляя его часть. Диахроническое исследование АМК показало, что он зависит не только от стадийного в ходе литературного процесса раскрытия законов художественности, но и от степени романизации жанров повествовательной прозы, а также от понимания роли комментария. Это отражается в поведении АМК как комплекса, который может возрастать и убывать по ходу произведения.

Перспективы исследования многочисленны. Главнейшие из них состоят, во-первых, в монографическом изучении АМК в конкретной субпарадигме, во-вторых, в изучении АМК не только в повествовательной прозе, но и в других родах художественной литературы: в поэзии и драме. В-третьих, требуется изучение динамики комплекса АМК и АК на более широком материале и по возможности с привлечением компьютерных методов анализа. Требуется также написать подробную историю понятия АК в отечественной и зарубежной науке о литературе, философски фундаментализировать теорию референции АМК. Возможно также расширение алгоритма «эталон-аналогия» на родственные АМК явления: документ в тексте, факт в художественном произведении, гипертекст.

**Содержание работы отражено в следующих публикациях:**

***В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,  
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России***

*В изданиях, относящихся к категориям К1 и К2:*

1. Дейкун И.Д. Метафикциональный комментарий аукториального нарратора в «Пересмешнике» М.Д. Чулкова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 42–50.
2. Дейкун И.Д. Проблема авторского комментария в современном отечественном литературоведении // Новый филологический вестник 2024. №4 (71). С. 78-87.
3. Дейкун И.Д. Рождение «авторского комментария». История понятия с появления словоформы до критической рецепции (1921-1935) // Филология: научные исследования. 2025. №1. С. 70-79.
4. Дейкун И.Д. Авторское примечание в литературной периодике первой трети XIX века как эталон материала исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Выпуск 3. <https://doi.org/10.30853/phil20250125>
5. Дейкун И.Д. Авторская метарефлексия в романе Матвея Комарова «Ванька Каин» // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.133-146.
6. Дейкун И.Д. Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского // Litera. 2025. № 4. С. 313-326. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73884

*В других изданиях:*

7. Дейкун И.Д. Концепированный автор. К вопросу об искусствоведческом использовании термина // Академическая публицистика, 2021, №12–2. С. 201–204.

8. Дейкун И.Д. Историческая дистанция и легитимный объект литературоведческой теории. К общему знаменателю структурной семиотики и систематической поэтики // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. Материалы II Национальной научно-практической конференции. Под.ред. Долматовой. Магнитогорск, 2022, с. 280–282.
9. *Deykun I.* ‘Shades’ of thought: Literary-aesthetic and sociological analysis of F. M. Dostoevsky’s ‘philosophical artistry’ // *Dostoevsky in the Arts and Beyond: Contemporary Perspectives.* Edited by Olga Tabachnikova, Liudmila Saraskina, Galima Lukina and Ekaterina Salnikova. Ethics International Press Ltd, 2024, pp. 47–69.
10. Дейкун И.Д. Периферия текста ввиду теоретико-поэтологической аксиомы целостности художественного произведения // *Universum: филология и искусствоведение*, №3 (129), 2025. С. 23-26.
- Дейкун И.Д. Философский интертекст в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // *Studia Humanitatis*, №1, 2025. URL: <https://st-hum.ru/content/deykun-id-filosofskiy-intertekst-v-trilogii-ds-merezhkovskogo-hristos-i-antihrist>